

Как грузинский князь оказался в Красноярске

Первый начальник Красноярской дороги грузинский князь Арий Мирский прожил короткую, но бурную жизнь, оставив след во многих событиях, потрясших Россию.

На самом деле его звали Юрий Кобахидзе. Он родился в 1890 году в семье князя из Зугдиди. В 1912 году Юрий окончил гимназию в Кутаиси и поступил на математический факультет Московского университета, но затем перешел на медицинский. Во время германской войны он стал подрабатывать санитаром в Екатерининском госпитале. Там студент связался с земляками меньшевиками-интернационалистами, а в мае 1917 года вместе с ними перешёл к большевикам.

В июле 1918 года он добровольцем подался на Красновский фронт. К осени князь уже заправлял Тамбовским губкомом партии, областной ЧК и карательными войсками, наводя ужас на бунтовавших крестьян.

В конце 1919 года боевой комиссар заскучал на фронте и по совету Елены Стасовой нелегально выехал в Грузию.

В Тифлисе он пытался оживить большевистское подполье, но был выдан предателем и оказался в угрюмом Метехском замке. Весной 1920 года арестант завязал тайные переговоры с грузинским правительством. Меньшевики пытались защитить свою республику и искали соглашения с советской Россией. Мирский взялся проводить их делегацию в Москву. Они с большим риском добрались до Новороссийска по забитому бегущими бежками Черноморскому тракту. В Кремле делегатов тепло принял Иосиф Сталин. В мае 1920 года кремлёвские вожди заключили с Грузией выгодный мирный договор, который вероломно нарушили год спустя.

После авантюрного вояжа Мирский отдохнул, сдал экзамены и получил диплом врача. Но лечить больных ему помешала живость характера... В 1922 году его отправили на курсы комсостава РККА, откуда отзывали на железнодорожный транспорт.

В это время Мирский сблизился с Троцким и его активными сторонниками Александром Серебряковым, Иваном Смирновым и Христианом Раковским. Он подписал знаменитые фракционные заявления «46-ти», «83-х» и «13-ти». Летом 1925 года его впервые исключили из партии и уволили с должности зампреда Московско-Курской железной дороги. Формальным предлогом послужило устройство родича на «хлебную» должность. Однако Московская контрольная комиссия заменила ему исключение на строгий выговор, а Вацлав Воровский и Абель Енукидзе погасили его в ЦКК.

После разгрома левой оппозиции Мирский решил порвать с Троцким. В январе 1928 года его сослали директором на Забайкальскую дорогу. До 1930 года опального партийца продержали в Чите, потом на два года перевели начальником

Северо-Кавказской дороги в Ростов и на год задержали в Ленинграде. Но в 1933 году он вновь оказался на Забайкальской дороге. Затем кто-то из высоких покровителей зачислил командира слушателем Военно-транспортной академии, и в апреле 1934 года Мирский снова появился в Москве. Там он учился до февраля 1936 года, получив назначение в Красноярск.

В нашем городе грузинский князь не прижился. Первый удар начальник железной дороги получил на собрании управления, где перед зиновьевским процессом обсуждали закрытое письмо ЦК. Машинист Михаил Очередыко давно заметил, что начальник окружил себя одними подхалимами. Он публично клялся в любви к Сталину и Орджоникидзе, а сам собрал целых 27 подписей под платформой «83-х», за что его хвалил Лев Троцкий. Машинист категорически потребовал исключить двурушника из компартии. Партийцы дружно проголосовали за исключение своего начальника.

В это время из Москвы прогремел процесс «16-ти». 25 августа приговорили к смерти и немедленно казнили Зиновьева, Каменева, Смирнова, Мрачковского и других старых большевиков. Параллельно в красноярском доме Красной армии бушевали кровавые страсти на собрании городского партийного актива. Там Мирскому пришлось каяться во весь голос. Он объявил, что был не последним человеком в оппозиции, но уже девять лет готов грызть зубами горло любой троцкистской сволочи...

Активисты дружно выгнали Мирского из партии, но в конце августа ЦК запретил самовольно исключать номенклатурных работников. Тогда секретарь крайкома Павел Акулинушкин взялся собрать дополнительный компромат на начальника дороги.

Жильё и продукты дорожали, а железнодорожникам вместо зарплаты давали авансы и скудные продуктовые пайки. Многие открыто ругали сталинский режим за ложь и нищету.

Почти всех машинистов пассажирских составов уже выгнали из партии за ересь. Помощник машиниста Васильев вслух мечтал читать не только официальную литературу. Сын парторга стрелковой охраны Романова хвалился перед товарищами по педагогическому техникуму: «Возьму у отца наган, поеду в Москву и убью Сталина - сразу стану героем и получу мировую известность».

К тому времени все железные дороги перевели на военное положение. Но политотделы и трибуналы не могли удержать трудовую дисциплину. Во дворе депо среди белого дня валялись пьяные. Хмельные аварийщики только за июнь 1936 года поставили под забор 50 паровозов. Как-то машинист Гаврилов прогулял ночную поездку. Утром дежурный отправил похмельного машиниста в рейс вместе с утомлённой ночной сменой бригадой. В дороге Гаврилов сладко уснул, его помощник безмятежно закусывал, а кочегар помахивал лопатой. На полустанке

Вагино они врезались в другой поезд, разбив локомотив, 13 вагонов и дорожное полотно, причинив ущерб на сумму 58 тыс. рублей.

На транспорте господствовали неофициальные трудовые отношения. Ремонтники привыкли вымогать выпивку и подарки у поездных бригад, а отказникам могли сильно навредить. В одном отремонтированном паровозе нашли лишнюю шпильку. Другой локомотив вернулся из пробных испытаний с разбитым штуцером и протечкой дымогарных труб. Третий паровоз продержали в цехе лишний месяц, но на его обкатке едва избежали аварии, обнаружив зубило в золотниковых окнах. Во время этих вынужденных простоев машинисты теряли заработки.

В январе 1936 года Лазарь Каганович приказал считать всех аварийщиков вражескими диверсантами. Спецслужбы немедленно ликвидировали три боевки и целую конспиративную сеть. В июле они разоблачили банду Осташенко, Рубчевского, Ксензюк, а в сентябре нашли крупную подрывную организацию. К началу 1937 года только на ПВРЗ арестовали 82 троцкиста и вычистили 118 антисоветчиков. Служба безопасности считала руководителем всего подполья младшего брата члена Политбюро, бывшего редактора «Труда» Владимира Косиора, отбывавшего ссылку в Минусинске.

Поэтому 7 сентября Политбюро отстранило князя от должности. Затем имя Мирского-Кобахидзе появилось в сталинском расстрельном списке от 22 ноября 1937 года вместе с Михаилом Очередыко и другими красноярскими железнодорожниками.